

ОШ МАМЛЕКЕТТИК УНИВЕРСИТЕТИНИН ЖАРЧЫСЫ

ВЕСТНИК ОШКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN OF OSH STATE UNIVERSITY

ISSN: 1694-7452 e-ISSN: 1694-8610

№4/2025, 76-84

ФИЛОСОФИЯ

УДК: 1(091)14

DOI: [10.52754/16948610_2025_4_6](https://doi.org/10.52754/16948610_2025_4_6)

**ФИЛОСОФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И МЕТАФИЗИКА БЕЗ ЦЕЛИ (ИСТОРИКО-
ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД)**

КАЛЫПТАНУУ ФИЛОСОФИЯСЫ ЖАНА МАКСАТСЫЗ МЕТАФИЗИКА (ТАРЫХЫЙ-
ФИЛОСОФИЯЛЫК МАМИЛЕ)

PHILOSOPHY OF BECOMING AND METAPHYSICS WITHOUT A PURPOSE
(HISTORICAL-PHILOSOPHICAL APPROACH)

Исаков Кубанычбек Абдыкадырович

Исаков Кубанычбек Абдыкадырович

Isakov Kubanychbek Abdykadyrovich

ф.и.д., профессор, Ош мамлекеттик университети

д.ф.н., профессор, Ошский государственный университет

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Osh State University

isakov-oshgui@mail.ru

ORCID: 0009-0007-2035-0453

ФИЛОСОФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И МЕТАФИЗИКА БЕЗ ЦЕЛИ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД)

Аннотация

В статье рассматривается космологическая и онтологическая концепция мира в философии Фридриха Ницше. Центральным образом выступает метафора «чудовища энергии», представляющая бытие как бесконечное становление, лишённое начала, конца и телоса. Ницшеанская философия отказывается от традиционных метафизических структур, таких как причинность и цель, и вместо них вводит концепцию мира как потока сил, в котором не существует фиксированных точек опоры. Анализируется идея «радости круга» как позитивной установки к миру без заранее заданной цели, где счастье и смысл не определяются внешними критериями, но проявляются через сам процесс становления. Это позволяет переосмыслить такие ключевые понятия, как судьба, форма и смысл, выходя за пределы привычных метафизических конструкций. В исследовании также рассматриваются философские резонансы у Мартина Хайдеггера, Жюлья Делёза и Хорхе Луиса Борхеса, чьи идеи продолжают и развивают интуиции ницшеанской онтологии, предлагая новые горизонты для понимания бытия как бесконечного, трансформирующегося процесса, лишённого конечных целей и смыслов, но богатого возможностями для творчества и самовыражения.

Ключевые слова: радость круга, вечное возвращение, amor fati, философия становления, метафизика без цели, философия жизни, эстетика жизни.

**КАЛЫПТАНУУ ФИЛОСОФИЯСЫ ЖАНА
МАКСАТСЫЗ МЕТАФИЗИКА (ТАРЫХЫЙ-
ФИЛОСОФИЯЛЫК МАМИЛЕ)**

**PHILOSOPHY OF BECOMING AND METAPHYSICS
WITHOUT A PURPOSE (HISTORICAL-
PHILOSOPHICAL APPROACH)**

Аннотация

Маанилүүлүк. Сергек жашоо образы - бүгүнкү күндө абдан маанилүү тема. Бул тема өзгөчө COVID-19 мезгилинде актуалдуу. Акыркы эки жыл сергек жашоо образын адамдардын, өзгөчө жаштардын күнүмдүк турмушуна киргизүү керектигин турмуш көрсөттү. Статистика көрсөткөндөй, COVID-19дан каза болгондор улгайган адамдар же сергек жашоо образын кармабаган адамдар. Элди спортко, ден соолуктарына кам көрүүгө, туура тамактанууга түрткү болгон нерсе. Бул, албетте, бардык курактагы адамдарга тиешелүү, бирок өзгөчө жаштар. Илимий изилдөөлөрдүн натыйжалары жаштардын сергек жашоо образы жаатында ишенимдүү билимге ээ болгондугу менен аларды практикада толук колдонбой жатканын көрсөттү. Азыркы жаштардын негизги көйгөйлөрү – бул дени сак жашоонун белгилери: компьютерге жана телефонго болгон көз карандылык, кыймылсыз жашоо образы, фастфуд, тамеки чегүү, алкогольдук жана энергетикалык суусундуктарга көз карандылык. Ошондой эле университеттин тобокелдик факторлоруна окуу процессиндеги чоң окуу жүктөмдөрү, сергек жашоо образына карата баалуулуктарды мотивациялоо, жайылтуу жана калыптандыруу боюнча адистештирилген иштердин жоктугу кирет.

Ачык сөздөр: айлананын кубанычы, түбөлүк кайтып келүү, amor fati, болуу философиясы, максатсыз метафизика, жашоо философиясы, жашоонун эстетикасы.

Abstract

This article examines the cosmological and ontological conception of the world in the philosophy of Friedrich Nietzsche. The central image is the metaphor of the "energy monster," representing being as an endless process of becoming, devoid of beginning, end, and telos. Nietzschean philosophy rejects traditional metaphysical structures such as causality and purpose, and in their place introduces the concept of the world as a flow of forces in which there are no fixed points of support. The idea of "circular joy" is analyzed as a positive attitude toward a world without a predetermined goal, where happiness and meaning are not determined by external criteria but are manifested through the process of becoming itself. This allows for a rethinking of key concepts such as fate, form, and meaning, moving beyond conventional metaphysical constructs. The study also examines philosophical resonances in Martin Heidegger, Gilles Deleuze, and Jorge Luis Borges, whose ideas continue and develop the insights of Nietzschean ontology, offering new horizons for understanding being as an infinite, transformative process, devoid of final goals and meanings, yet rich in possibilities for creativity and self-expression.

Keywords: joy of the circle, eternal return, amor fati, philosophy of becoming, metaphysics without purpose, philosophy of life, aesthetics of life

Введение

Актуальность темы. Фридрих Ницше в своей работе «Воле к власти» формулирует предельно напряжённую и радикальную картину бытия: это «чудовище энергии», не имеющее ни начала, ни конца; мир, в котором не действуют категории причинности, телоса или морального порядка. Здесь не остаётся места привычным опорам европейской метафизики - идее устойчивого субстрата, трансцендентного Бога, разумного замысла или исторической целесообразности. Вместо этого нам предлагается радикально иная космология - динамическая, аморальная, лишённая направленности, но насыщенная внутренним ритмом, напряжённостью и эстетической силой.

В этом тексте мы попытаемся осмыслить, как ницшеанская онтология становления может быть истолкована как философия радикального бытия — вне цели, но не вне формы, вне надежды, но не вне силы. Становление, в прочтении Ницше, не является хаотичным беспорядком: оно структурировано повторением, ритмом, перепадами интенсивности, и в этом находит свою формообразующую логику. Это бытие без центра, но с бесконечными центрами интенсивности; бытие, в котором всё вечно начинается заново, но никогда не идентично себе. Его этика - не в достижении результата, а в утверждении процесса как ценности. Его эстетика - не в завершённости, а в полноте движения. В этой парадигме радость становится возможной не вопреки отсутствию цели, а благодаря признанию самой формы становления как достаточного основания для бытия.

«Этот мир - чудовище энергии, без начала и конца... без цели, если только радость круга сама по себе не является целью» - так, в афористической силе и образности, Фридрих Ницше формулирует одно из ключевых положений своей философии в «Воле к власти». Здесь он рисует не картину мира как истории, нарратива или направленного движения к совершенству, но как чистую интенсивность, без остатка и без оправдания (Ницше, 1994, с. 156).

Мир у Ницше - это не арена линейного прогресса, не поле морального совершенствования или божественного плана. Это игра сил, в которой отсутствует всякая теологическая или метафизическая вертикаль. Нет высшего судьи, нет финальной цели, нет смысла, встроенного в ткань бытия извне. Вместо этого - имманентная онтология становления: бытие не как субстанция, но как непрерывная метаморфоза, как движение без первоисточка и без финала.

Ницше отказывается от идеи фиксированной сущности. Онтология у него не эссенциальна, а процессуальна: всё - становление, всё - преобразование. Даже формы, кажущиеся устойчивыми, являются лишь моментами в потоке, временными кристаллизациями силы. В этом смысле, сам принцип тождества ($A = A$) уходит в прошлое: ничто не остаётся собой, ничто не совпадает с собой, ибо всё подвержено трансформации (Ницше, 1994, с. 147).

Идея вечного возвращения в этом контексте - не тривиальное повторение, не циклический автоматизм. Это ритм, структура повторения с отличием, где ничто не повторяется в точности, но возвращается иначе - в новом модусе, в изменённой интенсивности. Здесь важно понять, что вечное возвращение - это не ностальгия по

идентичности, а утверждение становления как такового. Это радикальное "да" бытию, в его изменчивости, в его трагическом величии, в его отсутствии цели.

Сам круг, который замыкается, - не финал истории и не её вечный повтор. Это форма без цели, жест без оправдания. Но в этом жесте - радость. Радость не как эмоция, а как онтологическое состояние, как утверждение жизни в её полноте и трагичности. Радость круга - это не стремление к утешению, а торжество без утешения. Это эстетика, не нуждающаяся в морали. Это бытие, которое не требует ни спасения, ни искупления.

Таким образом, философия Ницше - это онтология без теологии, космос без трансцендентного архитектора, бытие без внешнего смысла. Его метафора «чудовища энергии» разрушает привычные рамки мышления, в которых энергия предполагает цель, движение - направление, а история - финал. У Ницше энергия - это не средство, но субстанция, не дорога к чему-то, а сам ландшафт бытия. Она не иссякает, не накапливается, не обменивается на результат. Она просто есть - и в этом её сила (Ницше, 1994, с. 187).

Так возникает философия радикального бытия: вне цели, но не вне формы; вне надежды, но не вне полноты. Это философия, где нет устойчивых точек опоры, но есть бесконечная интенсивность жизни. Это онтология, в которой радость - не следствие, а условие бытия. Радость, которая не ждёт оправдания, потому что она - уже здесь, в ритме становления, в игре различий, в танце сил. Радость, быть может, единственное, что остаётся, когда всё остальное исчезает.

В онтологической и ценностной системе, предложенной Фридрихом Ницше, нет места традиционным формам утешения, столь глубоко укоренённым в религиозной и метафизической традиции. Ни надежда на загробное воздаяние, ни упование на конечную справедливость истории, ни вера в абсолютную трансценденцию - всё это подвергается радикальному пересмотру и деконструкции. Бог умер - и с этим уходит в прошлое метафизическая вертикаль, гарантировавшая смысл, оправдание страдания и перспективу спасения (Ницше, 1994, с. 198).

Однако в этом нигилизме Ницше не предлагает пессимизма в духе Шопенгауэра, не замыкается в идее отрицания воли или бегства от мира. Напротив, он разворачивает позитивную этическую программу, в центре которой стоит принцип *amor fati* - «любовь к судьбе». Эта позиция, на первый взгляд, может показаться парадоксальной: как можно любить то, что причиняет боль, разрушает, отнимает смысл? Но именно в этом парадоксе — глубочайшее содержание ницшеанской философии.

Amor fati переводится как «любовь к судьбе». Этот латинский термин был введён Фридрихом Ницше и обозначает принятие и обожание всего, что происходит в жизни, включая страдания и трудности. Это философская концепция, которая выражает идею того, что человек должен не только принимать свою судьбу, но и любить её, видеть в ней источник силы и радости, а не пытаться избежать или изменить её.

Amor fati - это не смирение, не пассивное принятие, а активное утверждение. Это не «перетерпеть» то, что происходит, а сказать «да» всему происходящему, включая страдание, утрату, бессмысленность. Это своего рода этический героизм, в котором личность не уходит от мира, но возвращается к нему с новой силой. Любить судьбу - значит утверждать

становление, не требуя от него оправдания. Это - сила жить без иллюзий, но и без горечи; сила смотреть на хаос и сказать: «Таково было бы и моё желание, если бы я мог выбрать».

В этом смысле, **amor fati** - это эстетика существования, в которой жизнь воспринимается как произведение искусства: не в том смысле, что она всегда прекрасна, но в том, что она полна формы, интенсивности, глубины. Красота здесь не внешняя, не декоративная, а онтологическая - как выражение силы, напряжения, конфликта. Это философия эстетического героизма, где радость - не результат комфорта, а форма сопротивления отчаянию.

Эта радость - парадоксальная, но предельно подлинная. Она не зиждется на ожидании, не требует надежды. Это радость без основания, радость от самой способности быть - даже в ужасе, даже в разрушении, даже в знании своей конечности. Здесь Ницше сближается с античными стоиками, но идёт дальше: он не просто учит выдержке, он предлагает творческое одобрение судьбы, превращающее страдание в стиль, трагедию - в форму, а жизнь - в активный акт творения (Ницше, 1994, с. 201).

Так формируется новая этика после морали, в которой достоинство человека не в следовании долгу или закону, но в способности жить без утешения и всё же не впадать в отчаяние. Это не «утешение без Бога», а мужество без утешения, где ценность обнаруживается не в цели, а в интенсивности. И в этом - глубоко ницшеанская трансформация боли в силу, абсурда - в форму, судьбы - в свободу. Не через отмену реальности, но через её художественное преодоление.

Мартин Хайдеггер, размышляя о сущности бытия в контексте метафизики Запада, приходит к фундаментальному повороту: бытие не нуждается в цели, не стремится к завершению, не имеет конечного смысла в рамках телеологической структуры. Оно просто *есть* - в своей сокрытости, в своей откровенности, в своём небытии. В поздней философии Хайдеггера особое значение приобретает понятие *Gelassenheit* - *отпущенность, покой, несхватывающее пребывание*. Это не пассивность, но определённая форма бытийной открытости, в которой человек не стремится контролировать, захватывать или подчинять бытие, но пребывает в свободном событийном отношении с ним (Хайдеггер, 1996, с. 45).

Это созвучно ницшеанскому жесту отказа от метафизической вертикали и от идеи управления бытием. У Ницше - как и у Хайдеггера - мир не нуждается в объяснении, не сводится к рациональной схеме. Напротив, он раскрывается через отношение, через стиль, через открытие и принятие становления в его непредсказуемости. В этом ключе отпущенность у Хайдеггера становится экзистенциальной формой *amor fati*: бытие принимается без гарантии смысла, но с полнотой соприсутствия (Хайдеггер, 1996, с. 65).

Продолжая и радикализируя эту линию, Жиль Делёз в трактате «*Ницше и философия*» предлагает свою интерпретацию становления как чистого различия, как творческой силы, которая не подчиняется логике тождества. У Делёза нет места понятию «сущности» как статичной структуры - бытие у него мыслится как бесконечный процесс дифференциации, в котором ничто не повторяется в одинаковом виде. Это не хаос в смысле разрушения порядка, но хаос как потенция формы, как энергетическая плоскость, где различия не иерархируются, но сосуществуют и создают новое. Становление у Делёза - это не развитие

в направлении совершенства, а непрерывное изобретение, эксперимент, игра различий, не сводимых к единству (Делёз, 2001, с. 113).

Именно поэтому у Делёза, следом за Ницше, онтология - не наука о сущем, но поле творчества, территория интенсивностей и различий, а не субстанций. В этом мире не существует окончательной идентичности - только переходы, мутации, трансформации. Каждое бытие - это *временный узел* в потоке сил, вспышка, которая не воспроизводится, а всегда является уникальной комбинацией контекстов и воздействий.

Эта метафизика различий неожиданно находит художественный резонанс в творчестве Хорхе Луиса Борхеса, особенно в рассказе «Элалеф». Здесь появляется образ точки, в которой сосредоточено всё сущее: прошлое, настоящее, будущее - в едином акте видения, за пределами линейного времени и последовательной причинности. Борхес, в своей метафизической прозе, создаёт вселенную парадоксов, где множественность не нуждается в упорядочивании, а хаос предстает как невыразимая полнота смысла (Борхеса, 2013, с. 81). Подобно Ницше и Делёзу, он отказывается от идеи тотального объяснения: истина здесь - в соприкосновении с непостижимым, а не в его рационализации.

Образ Элалефа - это не просто аллегория бесконечности. Это симфония различий, разворачивающаяся вне времени, вне цели, вне логики, знакомой классической метафизике. Всё существует одновременно, но не хаотично - а как сложнейшая композиция, где каждый элемент связан с другими в невыразимом единстве. Эта сверхинтенсивная точка бытия сближает Борхеса с ницшеанским пониманием вечного возвращения: не как механического повтора, но как вечного присутствия становления, где всё возвращается - но не в том же, а в новом, изменённом, различном виде.

Таким образом, от Хайдеггера к Делёзу и до Борхеса - проходит линия мысли, в которой бытие освобождается от утилитарных и целевых нагрузок, от подчинения логике тождества и необходимости. Мир становится силовым полем, пространством различий, пульсацией форм. И это - не трагедия утраты смысла, а начало новой формы мышления: мышления, которое не боится неустойчивости, которое находит красоту и силу в самом движении, в самой игре становления, в самой радости бесконечного.

Быть в этом мире - значит отказаться от иллюзий, но не отказаться от смысла. Это парадокс, стоящий в центре философии Ницше, Хайдеггера, и ряда других мыслителей, для которых бытие предстает как нечто вечно изменяющееся и бесконечно открытое. Оставить за собой иллюзии - это значит освободиться от метафизических фальсификаций, от стремлений к конечным целям и постоянным ожиданиям «лучшего мира» после этой жизни. Это отказ от концепций, обещающих нам утешение и вознаграждение - надежды на справедливость, прогресс, или загробное воздаяние. В мире Ницше, мир является полем бесконечных изменений, где нет ни высшего смысла, ни подлинного утешения.

Однако отказ от иллюзий не означает отказа от смысла. Напротив, смысл - это то, что мы сотворяем. Он не дается нам извне, не навязывается высшими силами, а создается в акте человеческого существования. В этом контексте философия Ницше становится практикой творчества, актом сотворения смысла, в котором каждое новое проявление жизни требует своего нового осмысления, своего собственного переосмысленного смысла. Смыслом не является что-то данное, нечто фиксированное и неизменное, но активный процесс его

создания, который должен быть постоянно выстрадан, вымыслен и реализован заново, каждый раз. Это и есть смысл человеческой жизни: он появляется как акт воли, как воля к власти, которая стремится утвердить себя не через подчинение высшим силам, но через самостоятельное создание своей судьбы.

Эстетика жизни у Ницше и в его философии в целом - это акт сопротивления энтропии сознания. Энтропия, как процесс упадка и разрушения, свойственна как физическому миру, так и человеческому сознанию. Стремление к упрощению, инерции, апатии и отчаянию неизбежно ведет к распаду воли и утрате смысла. В этом контексте жизнь превращается в постоянное усилие создания формы из хаоса. Это не процесс «объяснения» мира, а акт творения, в котором смыслом становится сама форма. Создавая свою жизнь как искусство, человек определяет свою сущность не через готовые схемы, но через активное сопротивление хаосу и разрушению. Это бесконечное воссоздание смысла и формы - не ради утешения, не ради будущей награды, а ради самого акта сотворения как основного способа существования (Ницше, 1994, с. 114).

Этика круга в философии Ницше - это не философия цели, но философия формы, создающей себя через процесс становления. Вечное возвращение, как представление о времени и бытии, не является процессом повторяющегося того же самого, но представляет собой ритмическую структуру изменений, в которой все возвращается, но всегда в новом качестве. Этим Ницше выводит нас за пределы традиционного понимания цели как конечной точки, куда ведет путь. Вместо этого он предлагает жизнь в напряжении, где важен не конечный результат, а сама форма, создающая себя в процессе становления (Ницше, 1994, с. 117).

Жизнь, в этом контексте, - это не стремление к достижению целей, но активное участие в процессе становления, как форма, которая бесконечно создает себя через переживание и преобразование. Важно не то, что будет в конце, а сам акт существования, процесс создания, воля к самоутверждению, как самоценность. Этика круга, таким образом, сводится не к призыву к целеустремленности, но к призыву быть в моменте, быть как форма, которая создаёт себя в ритме становления. Это - философия жизни, как бесконечного акта творения, который не нуждается в утешении и не требует внешней цели.

Всё это подводит к выводу, что философия Ницше не даёт нам утешения в традиционном понимании, не обещает мира справедливости и гармонии, но предлагает радикальную этику активного существования - любовь к судьбе, любовь к собственному становлению, где каждый момент жизни становится актом творчества, каждое движение - актом самореализации. Быть, несмотря на всё, быть как акт воли, и в этом процессе жизни обретается её истинный смысл - не как данность, но как постоянное переписывание собственной истории.

Ницше действительно разрушает традиционные онтологические и моральные конструкции, в которых мир и человек часто воспринимались как движущиеся к какой-то высшей цели, и где мораль становилась обязательной нормой для достижения этой цели. В его философии, однако, мир больше не имеет цели, не существует «высшего смысла», который определял бы его движение. Мир предстает как поток сил, трансформирующихся и взаимодействующих друг с другом в бесконечной метаморфозе. В этом новом контексте

жизнь становится актом самоутверждения, а не следованием предначертанным путям или моральным обязательствам (Ницше, 1994).

Однако, отказ от цели и моральных ориентиров не означает, что мир погружается в пустоту или апатию. Напротив, Ницше предлагает совершенно иной взгляд на возможный смысл жизни - радость как форма бытия. Это радость не как следствие чего-то внешнего, не как награда за труд, не как утешение за пережитые страдания, но радость, которая возникает в самом акте существования. Радость круга - это радость без основания, радость без надежды, радость как сама форма бытия, не ожидающая завершения или достижение цели, а наслаждающаяся бесконечным процессом становления.

Для Ницше эта радость не является иллюзией или формой самообмана. Это активное согласие с миром, с его бесконечной трансформацией, его страданиями, но также и с его страстями, контрастами и беспокойной энергией. В его концепции радости нет места пассивному смирению. Напротив, радость становится выбором, который не требует оправданий или внешних условий. Это акт согласия с бытием таким, какое оно есть — без ожидания возвышенных целей или внешней справедливости. Согласие с жизнью, в которой нет конца и начала, ни оправдания страданий, ни гарантии вознаграждения, но в которой всё равно существует неопределимая сила красоты и величия (Ницше, 1994, с. 119).

Символика круга, как он её понимает, не сводится к простому повторению. Это не безразличное движение по замкнутому пути, это динамичная, ритмичная и изменяющаяся форма бытия. Каждое возвращение в этот круг - это не повторение того же самого, а возвращение в ином качестве, с новым содержанием и новой глубиной. Поэтому радость круга - это радость не от одних и тех же событий, а от их бесконечной возможности проявляться в разных формах и вариациях. Это радость, которая не поддается линейному пониманию времени и смысла, а существует как нечто бесконечно многогранное, открытое для новых интерпретаций и переживаний.

Трагизм, свобода и красота лежат в основе этой философии. Трагизм заключается в том, что жизнь неизбежно сопряжена с болью, страданием и разрушением. Но, как утверждает Ницше, именно эти элементы жизни дают ей настоящую интенсивность и полноту. Свобода, с другой стороны, раскрывается как освобождение от моральных норм и внешних целей, как способность самим быть хозяевами своей судьбы. И, наконец, красота - это не что-то внешнее или эстетически идеализированное, а глубинное восприятие жизни как произведения искусства, где каждое мгновение, каждая форма и каждое движение становятся осмысленным и выразительным через сам акт их существования.

Заключение

Итак, Ницше предлагает не пессимизм, но радикальную этику согласия с жизнью, которая в своем постоянном становлении и преобразовании является и актом борьбы, и актом красоты. В этом и кроется настоящая философская сила его мысли: в понимании, что жизнь, без цели и морали, остается величественным актом бытия, в котором человек не просто существует, но творит себя и мир в процессе своего становления. Радость круга - это радость бесконечного становления. Это радость, которая не нуждается в внешнем основании, в метафизическом оправдании, в целях или наградах. Она существует как форма бытия, которая выбирает жить, несмотря на трагизм, несмотря на неопределенность, несмотря на

смерть, как вечный процесс, в котором смерть и жизнь переплетаются в одном великом круге существования.

Литература:

1. Борхес, Х.Л. (2013). *Алеф*. Москва: Эксмо.
2. Борхес, Х.Л. (2008). *Коллекция фантастики*. Москва: Время.
3. Делёз, Ж. (2004). *Логика смысла*. Москва: Вагриус.
4. Делёз, Ж. (2001). *Ницше и философия*. СПб: Наука.
5. Куэро, А. (1995). *Ницше: философия жизни*. Москва: Прогресс.
6. Ницше, Ф. (1994). *Воля к власти*. Москва: Мысль.
7. Ницше, Ф. (2012). *Так говорил Заратустра*. Москва: Азбука.
8. Фуко, М. (1989). *Археология знания*. Москва: Политиздат.
9. Хайдеггер, М. (1996). *Бытие и время*. Москва: Республика.
10. Хайдеггер, М. (1991). *Что зовётся мышлением?* Москва: Наука.